

УДК101.1

В. Б. О कोरोков*Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара***ИЗМЕНЕННОЕ СОСТОЯНИЕ МИФА И СОЗНАНИЯ
В ДИАХРОНИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ К. ЛЕВИ-СТРОСА**

За допомогою аналізу змінених станів міфу та свідомості досліджуються можливості створення фундаментальної антропології в концепції К. Леви-Строса.

Ключові слова: змінений стан міфу та свідомості, буття, діахронія, архаїка, історія.

Посредством анализа измененных состояний мифа и сознания исследуются возможности создания фундаментальной антропологии в концепции К. Леви-Строса.

Ключевые слова: измененное состояние мифа и сознания, бытие, диахрония, архаика, история.

By means of the analysis of the changed conditions of a myth and consciousness opportunities of creation of fundamental anthropology in K. Levi-Strose's concept are investigated.

Keywords: the changed condition of a myth and consciousness, life, diachrony, archaic, a history.

Термин «измененное состояние сознания» появился лишь во второй половине XX в. в психиатрии, однако признаки такого состояния появились гораздо раньше, едва ли не в период формирования самого древнего логически-сформулированного способа существования человечества – мифологического.

На последующих стадиях формирования культуры раскрылись и другие формы такого состояния. Не только миф, но и религия и вера способны привести сознание к его измененной форме, в которой пробуждаются скрытые энергии. Нечто похожее может наблюдаться и в научной форме размышлений, однако наука делает упор на уточнение границы материальных образований и ей в значительной степени нет дела до энергий самого сознания. В этом ее позитив для познания, но в этом и игнорирование роли самого человека в познании. Любой эксперимент направлен на уточнение границ вещей и событий как таковых. Наука – это, скорее, борьба за точность экспериментов над сущим (формирование

точных представлений о внешних явлениях природы). Движение и энергии служат здесь лишь опосредующими звеньями уточнения границ сущего, для фиксации сущего как такового. Поэтому науке нет дела до бытия, она изучает сущность сущего и жесткость границ его бытия, а вовсе не особенности бытия самого человека.

Несмотря на попытку научно-философского структурирования и обоснования мифа, Леви-Строс, будучи антропологом по призванию, не исключает сложности взаимодействия сознания с миром. Однако это взаимодействие у него ассоциируется с еще одной формой первобытной религии – с магией. «Анализ мифов подтверждает...», – пишет он во втором томе «Мифологик...», – «вера в действительность магии предполагает волевое упорядочивание мира» [4, с. 149]. В таком ракурсе и человека, и мир пронизывает некие потоки воли, которые влияют на судьбы людей и вещей. С таких позиций человека можно представить как энергетическую систему, встроенную во внешнее волевое энергетическое поле. Его внутренние границы определяют судьбу, его общее взаимодействие с внешним миром (встроенность в окружающее) нормирует способ его бытия. Прошлое он уже изменить не может. Но он может влиять на будущее, для этого необходимо менять потоки собственной энергии-воли. Судьба фиксируется в пограничном слое встроенности человека в окружающий мир-волну, тонком пограничном слое его бытия в зоне настоящего. Граница здесь может рассматриваться как фиксация настоящего. Кто владеет границей, бытием настоящего, мгновением, тот владеет и миром, ибо граница мгновения (знание о котором возможно только в настоящем: настоящее и есть мгновение) – это система идущих из прошлого потоков, которые направляют бытие в настоящем и, по инерции, в будущее (что и является кармой жизни). Жизнь человека есть замыкание в себе всех внутренних энергетических потоков, их равновесная встроенность во внешние энергетические поля.

Способен ли человек вырваться из объятий «воли» и фатума? Вероятно, если верить религиозным и мифическим толкованиям, в чистом неизменном виде нет. Видимо, вот такие неизменяемые состояния бытия в социуме Хайдеггер, в свою очередь, называл *dasman* (несобственным существованием), но имел он в виду волю общества, которое формировало несобственное бытие человека. В том же время, согласно Хайдеггеру, экзистенциальные состояния сознания, когда человек мог и обязан был влиять на свое будущее, выстраивать проект в будущее, назывались собственным существованием. Исходя из такого толкования, раз человек может и обязан сам отвечать за свое будущее, и Сартр считал экзистенциализм вполне гуманной философской системой. Но такое истолкование никак не пересекалось с магией, которой для Хайдеггера и Сартра не существовало, но которая играла ключевую роль для тех, кто занимался исследованием мифа (в том числе Л. Леви-Брюля, К. Леви-Строса, М. Элиаде и др.). Иными словами, экзистенциальное и мифическое прочтение человека принципиально расходятся.

Лишь во второй половине XX в. попытки исследования влияния на человеческую психику ЛСД и других наркотических препаратов привели С. Грофа к обнаружению скрытых латентных состояний психики, что, собственно, позволило обнаружить, с одной стороны, точки соприкосновения магии и экзистенциализма, а с другой – сущность измененного состояния сознания. Выяснилось, что химические воздействия изнутри и психические извне, по сути, схожим образом нарушают человеческую психику, определенным образом переформатируют ее, тем самым влияя на состояния человека и определенным образом на его судьбу. Это же подтверждают внешние наркотические воздействия на психику человека индейцев в учении Толтсков, которые анализируются К. Кастанедой. О том же свидетельствуют рекомендации ведических текстов для связи с Абсолютом, которые также опираются на поиск неких наркотических препаратов Сомы в дикой природе, обостряющих восприятие мира и раскрывающих путь к духовному прозрению. Таким образом, волшебные рецепты перехода к измененному состоянию сознания были известны как древним индусам, так и современным индейцам Центральной Америки. Европейской науке понадобилось более двух тысяч лет, чтобы дать научное истолкование древним ведическим знаниям экспериментальным путем, ведь официально христианская церковь запрещала какой бы то ни было эксперимент над духовными состояниями человека. Вагнеровская и ницшеанская «смерть богов» позволила ослабить этот запрет и совершить прорыв к сверхчеловеку, воспитавшему в себе измененным состоянием воли и сознания. Богочеловек и Богочеловечество Вл. Соловьева – это несколько иной поиск похожих промежуточных состояний приближения человека к божественной энергии.

Все этапы жизнедеятельности человека сопровождается память. Но память – не только статический образ мира, каким он фиксируется скажем на фотографии, память в то же время также и способность к восприятию фотоизображения, способ его сканирования, память как таковая всегда динамична, это процесс, в котором что-то стирается и затухает, а что-то воспроизводится вновь (в частном случае воспроизводится один и тот же объект). На пересечении этих двух потоков – настоящего и прошлого – работает реальная память, которая в таком ракурсе всегда связана со сканированием и рефлексией. Разум ориентирован на память, это прописанная в памяти граница настоящего, которая уходит в темное прошлое (историю) и на этой скрытой от настоящего территории схватывает и бессознательные состояния (как прошлое). Наше Я включает и прошлое (данное бессознательно), и настоящее (на сознательном уровне). Из прошлого идут линии, формирующие и детерминирующие настоящее. Память, присущая настоящему, есть наше непосредственное соприкосновение с действительностью, на нее ориентированы наука и в какой-то мере философия. Память прошлого в основном сформирована так, как показывает К.-Г. Юнг, – посредством мифов и религий. По существу, мы имеем разные виды па-

мяти, но и первая, и вторая направлены на бытие настоящего, иначе наше существование становится бессмысленным, если не скажут бессознательным (смысл приходит из прошлого, но проявляется и раскрывается в настоящем, – по сути, по Августину). Измененное состояние сознания включает в себя прошлое как ресурс настоящего; этот ресурс расширяет зону настоящего: человек может воспроизводить далекое прошлое, заложенное и на индивидуальном уровне, и на уровне архетипов.

Можно ли прояснить то, что происходит с психикой человека в определенных измененных состояниях? Восточные представления по этой проблеме указывали пути перехода к таким измененным состояниям (предельным критическим является путь к нирване), но ничего не говорили о том, как устроены эти состояния. Представители европейской науки вплотную подошли к естественнонаучному объяснению и описанию этой проблемы, анализируя сущность измененного состояния сознания, психики и генотипа человека, но никак не смогли раскрыть путь к смыслу бытия как непосредственное решение проблем конкретного человека. Определенные сдвиги в решении такой двойной задачи понимания человеческой психики сделали структуралисты (прежде всего, К. Леви-Строс и Ж. Лакан) и постструктуралисты (Ж. Делез и Ж. Бодрийяр).

Однако еще у древних греков логика понимания действительности подразумевала мимесисное представление, то есть опору на некое предшествующее состояние мира, которое где-то в памяти уже хранится, и как таковое помогает понять изменяющуюся реальность. Изменяющееся настоящее опиралось на статику прошлого (мир идей) – логос. Точнее, для понимания изменяющегося настоящего греки искали прочную опору в мире представлений (находящуюся в силу своего жесткого выпадения из пространства и времени вне времени и действительности и в таком контексте представляющую собой абсолютную идею-образец, относительно которой можно понимать действительность и способ ее формирования). Изменение состояния сознания один из способов обостренного проявления мимесиса. Сознание без опоры возвращалось в дорефлексивный фетишистский мир духов. Таким образом, для взаимопонимания людей необходимы были такие устойчивые формы-образы мышления, которые бы являлись эквивалентными для всех живущих. Устойчивые мыслеформы обрели коды своего бытия, понятные для всех (например, знаки) и превратились в язык. Жесткое разделение мира на обозначающее и обозначаемое вскрыло сущность понимания. Прагматики У. Джеймс и Ч. Пирс показали, что есть не только дорефлексивный мир объектов и рефлексивный мир субъектов, но и третий мир – язык – мир универсальных форм мышления, пришедший из прошлого, без которого нет и не может быть понимания. Последующие представления о третьем мире обнаружили систему отсылок-симулякров, опосредующих взаимопонимание людей (к таковым можно отнести и товары, и деньги), – символические миры обмена (Бодрийяр). Однако в том

же XX в. выяснилось, что фактически и система мышления, и система языка, и система мира пересекаются, но пониманием способа их пересечения обладают только те, кому доступны шифры доступа к соответствующим поверхностям. Эти шифры воспроизводят записанное на поверхности, которое можно назвать смыслами. Шифры к поверхностям становятся в своем универсальном проявлении языком. В таком случае то, что Пирс называл первичностью, вторичностью и троичностью, превращается в четвертичную систему взаимодействия человека и мира, в которой наряду с субъектом и объектом появляются также троичность (язык) и четвертичность (смысл). Язык превращается не только в систему знаков (букв) или систему звуков (фонем), но систему значений и смыслов, ориентированных в прошлое (на традицию).

Цифры и коды несет в себе культура и традиция. Это то, что приходит в настоящее человека из прошлого. Однако реальное считывание кодов происходит в настоящем. То, что мы подразумеваем под настоящим, – это тонкая граница между прошлым и будущим. В определенном смысле для нас настоящее раскрывается как форма (форма нашего восприятия мира в потоке времени). Наша жизнь в настоящем – это способность к сопоставлению и прочтению различных форм бытия. Классическое прочтение мира сводилось к чтению таким форм как сущее. Точнее, мы воспринимали мир как систему одномерных сущих форм, которые выпадали из времени. Классическое сознание воспринимало мир как абсолютное (идеальное) настоящее. И другого способа считывания оно не знало. Мир раскрывался как синхронический срез (форма) настоящего, в котором мы вырезаем определенный фрагмент и считываем его форму сущего.

Удивительно то, что и цифры (математика), и слова, и язык, и миф фактически формируются как родовые принципы, пришедшие из древней традиции, о чем писал в конце XX в. А. Бадью. Словом, все осмысленные формы бытия человека построены, по сути, по одной логике формирования.

Тем не менее, вплоть до XX в. европейский человек жил представлениями о настоящем и имел чисто пространственное (формально-линейное) мышление, находился в зоне евклидовой рефлексии. Только вместе с обнаружением диахронической возможности восприятия языка стало проясняться, что человек имеет возможность исследовать срез мира не только фронтально-синхронически (по границе настоящего, без учета времени), но историко-диахронически (по хронотопному срезу), когда игнорируется настоящее (и раскрывается фронт временного становления мира). Первоначально перспективы такого нового прочтения мира приоткрылись вместе с обнаружением диахронического среза языка (в концепции Ф. де Соссюра). Фактически, де Соссюр совершил революционный поворот в восприятии мира в переходе к неевклидовой рефлексии, ибо приоткрыл завесы того, что язык можно прочитать не только пространственным (синхроническим) способом, как систему целостности (как синтаксическое, грамматическое

и семантическое единство) языка, но и временным (диахроническим и историческим) способом как непрерывно длящуюся временную историческую связность языка с момента его образования.

И только Леви-Строс, разбирая пространственно-временные свойства мифов современных индейцев, обнаружил всю важность открытия де Соссюра применительно к мифологическому мышлению. Он, по сути, показал глубокую внутреннюю связь между устройством мифа и языка. Это и позволило раскрыть внутреннюю структурную сущность мифа, которая пробивалась из истории, что дало возможность проследить исторический (продольно-временной) срез мифа. На протяжении истории своего существования миф изменялся и эволюционировал, и это, как выявил Леви-Строс, в принципе возможно проследить. То же самое происходит с языком. Таков общий вывод структурализма. Но дальнейшее исследование привело к гораздо более широкому охвату проблемы. Обнаружилось, что аналогичным образом по типу языка структурирован не только миф, но и бессознательное (исследования Ж. Лакана), общество в целом, психика и сама жизнь человека (исследования М. Фуко, Ж. Делеза, Ф. Гваттари и др.). Иными словами, пространственный срез, в котором мы привыкли измерять нашу жизнь по настоящему времени, оказался не единственной возможностью прочтения структуры (и способа бытия) жизни, есть и другая диахронический срез, который открывает ретроспективу и традицию. Точнее, изменяется не только жизнь, изменяются и формы жизни, и эти изменения наша психика и генотип определенным образом фиксируют. История в таком ракурсе превращается в эволюцию формы (или форм). И жизнь сама по себе, может быть, только одна из разновидностей формы. Где-то в психике человека заложен механизм фиксации и считывания эволюции формы. Иными словами, есть механизм отслеживания, понимания, считывания и запоминания формы форм. В клетках человека, в его сознании и психике заложены механизмы сохранения всей предшествующей эволюции (истории) их развития, но сама эта эволюция генотипа, психики и сознания охватывает гораздо более значительный период, чем жизнь конкретного человека. Человек несет в себе память всей предшествующей эволюции.

Тут важно понять, что сложность представлений о жизни понимали еще древние жрецы и мудрецы. Ведь жизнь не только момент рождения или смерти, но также и весь период становления и эволюции этой конкретной жизни от рождения (в глубокой древности) до смерти (и, возможно, жизни после смерти). Уже давно известно, по крайней мере, в восточных представлениях, что понятие жизни включает в себя не только синхронический мгновенный срез в какой-то период формирования настоящего, но и всю историю становления человека, всю динамику его развития, то есть диахронический срез. Жизнь прожить – не поле перейти.

Жизнь есть хронотопия не только настоящего, но и прошлого, и будущего. Жизнь конкретного человека встраивается в общую

систему эволюции, которая с учетом слияния жизни конкретных людей включает и мутацию, способность к изменению самой формы жизни, «вечного» (или, по крайней мере, исторического) феномена жизни. Любой конкретный человек через осуществление жизни раскрывает свое бытие и в то же время вносит порой глубокие коррективы в само понятие жизнь (вплоть до изменения его формы). То, что мы привыкли называть мистикой, часто не доверяя провозвестию появления новых форм, во многом связано с духовным богатством человека, обладающего возможностью считывать диахронический срез жизни, способностью, утраченной европейским человеком в силу научного образа его существования. Но поскольку сам механизм мистического считывания информации неясен и туманен, в реальной (особенно европейской) жизни появляется множество шарлатанов, которые выдают свои способности к «околпачиванию» людей за чудесные способности видения диахронического среза жизни (которую на Востоке именовали «третьим глазом»). Мистические способности (в точном, а не шарлатанском смысле) есть способности определенных людей к считыванию диахронического среза жизни и истории человека и его архаичного древа с момента первичного формирования. Поскольку есть закономерности самого проявления жизни и эволюции жизни, постольку есть механизмы считывания этих закономерностей. Точнее, есть до сих пор нераскрытые механизмы психики, позволяющие запоминать и хранить эволюцию жизни. Таким образом, открытия Дарвина, по своей внутренней силе, более глубоки и дальновидны, чем он утверждал. Природа сама по себе как таковая несет в себе механизмы запоминания и изменения жизни. Локально мир структурируется и организуется по типу включенной в него жизни. Поскольку, скажем, без воздуха и воды, жизнь на Земле не смогла бы существовать, то эти вещества позволяют кодировать и нести формулу и формы жизни. В частности, жизнь возникает даже на дне океанических впадин на большой глубине, куда практически не поступает энергия Солнца, где работают иные сероводородные источники энергии от извержения вулканов. Поэтому можно предположить, что жизнь не только форма существования белковых тел, но явление более распространенное, чем это принято считать. Главным источником существования жизни является наличие сред, способных хранить информации об эволюции жизни. Возможно, что вся природа, обслуживающая жизнь и хранящая информацию о ней, в определенном смысле причастна к жизни и также включена в иной эволюционный масштаб. Аналогичное открытие применительно к памяти человека и его психике, собственно, и сделал К. Леви-Строс. В таком контексте он, с одной стороны, развивает и разрабатывает новую структурную антропологию, а с другой – расширяет границы применимости теории Дарвина. Такую историческую память форм психики он назвал бинарной. Бинаризм есть механизм исторической памяти форм (жизни и общества), память истории. Такой бинаризм, скорее, напоминает математические закономерности бинама Ньютона, идущие от структурных

свойств математики второго порядка, принципиально отличающейся от линейных закономерностей первого порядка.

Таким образом, К. Леви-Строс впервые создал новую антропологию, анализирующую нелинейные формы бытия и жизни человека и формирующую условия для объединения древних и новых представлений о человеке, в которой в различных зонах существования человека обнаруживается место и для мифических (даже магических), и для мистических, и для религиозных, и для философских, и для научных объяснений бытия человека.

1. **Леви-Строс К.** Мифологии: От меда к пеплу / К. Леви-Строс. – М.: ИД «Флюид», 2007.

Надійшла до редколегії 12.01.11

УДК172.15

М. П. Бузский

*Волгоградский филиал Всероссийского заочного
финансово-экономического института(Россия)*

НАЦИОНАЛЬНАЯ САМОБЫТНОСТЬ И РЫНОЧНЫЙ РАЦИОНАЛИЗМ

Розкривається специфіка співвідношення ринкового середовища й етнічної культури в контексті зв'язку між загальним й особливим. Підкреслено, що, незважаючи на універсальність механізму і планетарний масштаб ринкових відносин, вони не можуть зберігати – по відношенні до буття людини – статус загального, а тому повинні самі – як прояв особливого – регулюватися цілісністю буття національно-етнічних спільностей (суб'єктів).

Ключові слова: самобутність, ринкове середовище, вигода, соціальний час, загальне та особливе, раціональність.

Раскрывается специфика соотношения рыночной среды и этнической культуры в контексте связи между общим и особенным. Подчеркнуто, что, несмотря на универсальность механизма и планетарный масштаб рыночных отношений, они не могут сохранять – по отношению к бытию человека – статус общего, а потому должны сами – как проявление особенного – регулироваться целостностью бытия национально-этнических общностей (субъектов).

Ключевые слова: самобытность, рыночная среда, выгода, социальное время, общее и особенное, рациональность.

Specificity of a parity of the market environment and ethnic culture in a context of communication between the general and especial is opened. It is underlined, that, despite of universality of the mechanism and planetary scale of market relations, they cannot keep - after the relation to life of the person – the